

Алик Гасанов

Сукин сын

Истории из жизни. Сборник №8

Алик Гасанов

**Сукин сын. Истории
из жизни. Сборник №8**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Сукин сын. Истории из жизни. Сборник №8 / А. Гасанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839379-2

Небольшие истории из жизни, короткое чтение для поездки в поезде. Рассказы о любви, детстве и многом другом, которые заинтересуют читателя, надеюсь.

ISBN 978-5-44-839379-2

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Рижский бальзам	6
На расстоянии руки	10
Сукин сын	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сукин сын Истории из жизни. Сборник №8

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9379-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рижский бальзам

Как-бы замечательно было бы вернуться хоть раз на много лет назад, и что-то исправить. Эх!.. Мелочь какую-то. Сколько дров нами наломано, сколько брошено зря, потеряно по-глупости... А ведь и вправду: вернуться бы лет на двадцать назад, и... По другому сделать. Вы бы что хотели исправить?

Клубок закручивается туго. Всё взаимосвязано. Совершенно не испытывая желания, я зачем-то согласился выпить тот раз, уступил Андрюхе, другу своему армейскому, хотя уже не раз убеждался, что Андрюха мой – дурак набитый, и вечно в неприятности с ним вляпаться. Так и в тот вечер. Прицепился Андрюха – «давай, вмажем, Алик! Давай! Чё-то скукота...» И вот я, к концу армейской службы своей уже значительно растеряв честное своё имя примерного солдата, в который раз получив от ротного «последнее китайское», какого-то чёрта нажрался с Андрюхой бражки. А веселее совсем не стало. Наоборот, тревожнее на много. Потому как в те времена в армиях было именно тревожно. Чуть ни каждый день из нашей части бежали солдаты. В основном прибалты. Литовцы, латыши... Их республики первыми вышли из Союза, и по телеку крутили чёрти-чёр, и побежали пацаны домой пачками. Из вражеской России на любимую родину. Каждый вечер после проверки начинала гудеть сирена, и мы потом бегали по лесу, искали очередного «бегунка». Находили только форму прямо за забором. Приезжают, бывало, к солдатику на свидание, он тут же переодевается, садится в поезд, и через полдня уже дома. Ищите!

И строили нас «по тревоге» чуть ни три раза в день. И увольнений не давали, и по части злые офицеры ходили целыми кучами, а мы с Андрюшей, короче говоря, накушамшись бражки из огнетушителя*, и... И вот опять нас уже строят, и опять проверяют-пересчитывают, а я на Андрюху уже злой, потому как Андрюха плохо себя контролирует, и языком мелет чушь всякую, и вообще сразу видно – пьяный он, сволочь.

...Нас построили на плацу. Взводные переключку провели по списку, шарахают сапогами на доклад. А мы с Андрюхой стоим тихохонько в самом «заду», и никто нас не видит, не слышит вроде. И ещё пять минут, и мы будем в роте. А там я Андрюху спрячу, заставлю принять душ, и всё-такое. И вот командиру части доложено, что «незаконно отсутствующих нет!», и вся часть замерла, ожидая команды «вольно! разойдись!», как вдруг Андрюша-падла бледнеет, шо сметана у крынке, и начинает выворачиваться, обильно пачкая плац бражкой с карамельками «бе-е...». Ротный подскочил, принялся хмуро, и, взяв нас с Андрюшей за шкирки, потащил в штаб. И получаю я вместе с Андрюшей по 10 суток. У меня вторую неделю уже дембель должен быть, а я получаю 10 суток ареста за употребление спиртных напитков, короче говоря! ...

И вот вам закономерность, как есть: я не послал тогда Андрюху к чертям, когда он предложил выпить (хотя должен был!), и попал «на губу», и задержался «в армиях» ещё на месяц. А именно в этот месяц мою зазнобу тщательно обхаживала какая-то сука, а зазноба моя честно считала дни, и, когда моя служба плавно пошла уже на третий год, моя зазноба ни с того ни с сего вышла замуж, и умотала к чертям собачьим куда-то на Украину. Такие дела...

Нет-нет! Я не жалею теперь, ей-богу. Я провожу параллели. Всё взаимосвязано.

И готовились мы к дембелю, как к таинству святому. Чуть ли не сразу же с начала службы. Смешно... А каждый уважающий себя салабон был обязан обзавестись дембельским чемоданом, в котором трепетно хранились святые мощи: подарки для Любимой (как правило дорогая косметика и кружевное нижнее бельё), подарки для сестёр и мамы (у кого кто есть), гражданская одежда, шикарный одеколон, деньги, письма, и дембельский альбом. А у особо крутых кексов были ещё и охотничьи ножи моего производства, коих я настрогал штук двести, пока служил. Особая моя страсть, но я не об этом.

И вот в соседней роте, помню, рядом с нами влачат своё скорбное существование такие же, как и мы с Андрюхой, передержанные дембеля. Саня, Вовчик и Заур. Так же, как и у нас, срок службы этих товарищей уже пошёл на третий круг, но их, как нарушителей, держат до сих пор, мотая им нервы. А тройка знаменитая на всю часть. Друг за друга горой. Плечо к плечу.

– Одной ложкой говно хавали, – говорят про таких обычно.

И вправду. Три друга, три товарища. Сколько передряг, сколько суток... Всегда вместе, всегда рядом. И вот как-то вижу я такую картину. По части бегают Заур с Вовчиком, злые, как черти. Чё стряслось?

И по ротам прошла невероятная сплетня:

– Саня «военный билет» получил в штабе. Ни чё не сказал, а на дембель ушёл втихаря! И дембельские чемоданы ихние «крысанул»*!...

Вовчик чуть не плакал, не веря в произошедшее, и горько вспоминал, как они втроём всё делили меж собой.

– Завалю суку..., – хмуро шипел Заур, выпрашивая у пацанов, – Откуда?.. «Краснодарский край...»? А город какой?, – и записывал адрес Сани, – Бля буду, завалю поеду...

– Мамкин платок даже взял, мразь..., – у бедного Вовчика дрожали белые губы, – Прикинь?..

Худо-бедно, а мы с пацанами собрали по мелочи и Вовчику, и Зауру на дорогу. Кто брюки отдал, кто пару сотен сунул. Не поедет же нормальный мужик домой на дембель с голым задом!.. Каждый дал, чё мог. Былой роскоши конечно не восстановишь уже, но... Более-менее солидно... Я даже выделил скрепя сердце бутылку «Рижского бальзама» из своего арсенала (у меня их было четыре штуки, и я с них пылинки сдувал! Глиняные бутылки, запаянные сургучом! Круче подарка я не представляю до сих пор!). И история через неделю стала затихать, и вот как-то захожу я в казарму, а в казарме тишина непривычная...

...Вовчик сидел на кровати, шмыгая носом, и размазывая сопли по мокрому лицу:

– Бля буду... Найду, поеду!.. Обязательно найду... Всё брошу, и поеду!.. И одного, бля...

И второго найду... С-суки...

А на полу перед Вовчиком – его чемодан с поломанными замками...

Эх... Если знать бы... Если бы...

А на дембель я всё равно опоздал.

— — — — —

*бражка из огнетушителя** – притча во языцах армейской древности. В казармах висели огнетушители. Здоровенная бандура литров на 12, наверное. Выкручиваешь верхнюю крышку, наливаешь туда варенья, сахара, водички, жменю дрожжей... Висит огнетушитель себе спокойно у всех на виду, возле окошка над батареей... Ночью аккуратно сольёшь скока надо, водички добавишь... Очень удобно и практично.

*крысанул** – обворовал своих, пользуясь доверием.

НА СТАНЦИИ ШАЛКАР

Лет двадцать уже прошло. Или больше?..

...Приехали как-то за мной неожиданно. На ночь глядя.

Трое. Пригласили в гости. А время позднее. Посидели «на дорожку», поужинали напоследок. Водку пили, казахского бесбармака целый казан съели. Нормальные пацаны. Анекдоты даже травили. Потом я поцеловал любимую, и поехал. Прикрывая спортивной курткой наручники, с трудом залез в вагон, и занял своё место у окна в плацкарте...

...Ехать полторы суток.

Ближе к утру мы так накушались водки, что меня уже через раз забывали пристёгивать к столику, и в туалет я ходил практически один...

На кой хрен я тогда это сделал, до сих пор не пойму? Какой смысл был мне прыгать с поезда мордой в снег «в дупель» пьяному, в наручниках, в пяти километрах от станции, без копейки денег, в спортивном костюме, среди ночи?

Дед на разъезде, увидев красное пятно на моём пузе (налетел на штырь в сугробе), не обращая внимания на наручники, легко закинул меня на коня к внуку, и через двадцать минут моей первой в жизни и поэтому изнурительной скачки на лошади, совсем оочечневшего, меня грубо снимал какой-то мужик возле двухэтажного здания районной больницы посреди заснеженной степи.

К своему удивлению никаких сознаний я не терял, всё слышал и понимал, и холод чувствовал даже желудком. Был бы трезвый – сдох бы, ей-Богу...

...Даже на операционном столе я трясся от холода, лязгая зубами и ругаясь.

Как они браслеты сняли, интересно?.. Холод заглушал всё, даже ужасную боль в распоротом при падении животе. Боль спазмами выворачивала наизнанку и я, категорически презирающий употребление мата всуе, теперь злобно и всё громче матерился на чём свет стоит, пару раз даже искренне желая побыстрее уже помереть. Меня резали, шили, чё-то чистили, кололи под ключицу, втыкали в меня катетеры, а я дрожал, как отбойный молоток.

...Перед этим насмешила молоденькая медсестра, когда после солидной дозы морфина для анестезии я спокойно ответил на её вопрос. Для несведущих поясню: анестезиолог, проверяя, действует ли наркоз – смотрит в зрачок, спрашивает о чём-нибудь. Вокруг меня склонились две казашечки-красавицы. Щебечут тихонько, готовят меня, ждут хирурга. Одна молчунья пухленькая. Другая хохотушка смешливая. Личико надо мной склонила, глазички огромные, чернящие, спрашивает с акцентом тихонько, чтобы подружку повеселить: «Ти меня хочете?». Думает, что я уже вырубился. А я слабо улыбаюсь, отвечаю: «Тебя одной мне будет мало.» Охренела, побледнела и больше не улыбалась. Хирург хмуро разрешил ввести третью дозу, и мрачно проверял вены: Наркоман? Нет, вроде не наркоман... Наркоз не берёт, и всё...

...Заштопав, меня отвезли, наконец, в палату. Накрыли, наконец, одеялом. Полчаса я трясся, пока отогрелся. Уснул, не знаю на сколько.

...Кроме меня в палате была очень полная женщина (!) лет пятидесяти и пацан лет семи. У женщины было «что-то по-женски», и её уже четвёртый раз «открывали».

Потом я узнал, что это значит; её разрезали, почистили, зашили, стало хуже, опять разрезали, почистили, стало хуже... и так четыре раза. Женщина тихо стонала и смотрела не мигая в потолок. У пацана (Алибек) было тоже плохо. Пьяный мотоциклист на полной скорости ударил его ручкой газа в висок. Пацану удалили кость черепа размером с сигаретную пачку, из комы он не выходил, и возле него днём и ночью сидела его мать, худющая казашка лет тридцати с потухшим взглядом. Ждали, когда он помрёт.

Только потом я понял, что эта палата (самая дальняя по коридору) была для тех, кто «уходит».

...Через четыре дня я перепугал медсестру, вошедшую утром.

До этого я больше часа боролся с тошнотворным головокружением и притяжением планеты Земля, чтобы с колоссальным трудом встать, и теперь, держась за дужку кровати, я стою, и с наслаждением смотрю в окно, в заснеженную степь.

...Темной полоской поезд вдаль распарывает степь.

Поезд стоит или движется?..

Башка кружится, сосредоточиться не могу. Медсестра Майра вытаращила глаза и, раскрыв прелестный ротик, подбежала ко мне:

– Нельзя! Нельзя! Вы что нарушаешь? Вы что?!.. Ложиться надо!.. Ложиться!, – смешно хлопая меня мягкими лапками, словно корову по спине, она заставила лечь обратно, – Всё расскажу! Всё-всё врач расскажу сейчас!.. Вы что?..

Господи, до чего же хорошенькие медсёстры в этой глухомани... Маленькие, шустрые... Как японки.

... Через неделю полная женщина перестала мычать в беспамятстве и, удивив всех, попросила кушать.

На неё сбежался посмотреть весь медперсонал. Через час прибежал её запыхавшийся муж, такой же толстый и смуглый. Притащил целый чемодан продуктов. В палате запахло жареным мясом, сурпой, апельсинами. Как ни пытался он меня угостить – есть я не мог, да и не хотел. В сутки в меня вливали через капельницу больше литра какой-то жёлтой жидкости, во рту было солёно и от еды меня воротило. Худой по своей природе, я привык, что меня всё время хотят покормить, и знаю, что отказом обидеть могу (казахи такой народ! угощают – попробуй только откажись!), и я с трудом отбиваюсь от угощения, и на моей тумбочке уже нет места от их еды.

... А когда через несколько дней медсестра пожаловалась врачу на Алибека, который прыгал на кровати (!), старый доктор позвал меня в кабинет.

Очень высокий, сухой, абсолютно седой. Смуглый. Лет под шестьдесят... Может больше. Руки, как у сталевара. Жилистые, сухие, чёрные.

Медсёстры его боятся, называют меж собой уважительно и шёпотом «Тажимурат-ага».

Прикрыл дверь кабинета, пригласил присесть на кушетку, сел рядом, с минуту рассматривал меня в тишине в упор, а потом, поглаживая огромной сухой ладонью моё костлявое плечо, заговорил неожиданным баском:

– Ты, сынок, знаешь?.. Ты очень быстро выздоровишь, почему-то... Очень-очень быстро. Ты домой поедешь – иди мечеть. Хорошо?.. Твоя душа очень светлый. Очень!.. Ты не должен выжить. Должен был умирать. А ты сам выжил и Алибек вытащил за собой, и женщина вытащил. С того света вытащил. Ты понял?..

Я сидел охреневший, подняв брови, не зная, как себя вести, глупо улыбаясь.

... – Тебе мулла надо быть, – продолжал старик, – Не смейся. Обязательно иди мечеть. Или церковь иди. Куда там тебе надо... Ты можешь людям помогать... Обязательно, слышишь?.. Чего смешно?... Ничего не смешно...

... Через пару дней меня «выписывали», и старый доктор самолично на своём «Москвиче» вёз меня на вокзал, поглядывая бледным взглядом на меня, сидящего сзади между операми.

Он что-то ещё горячо объяснял им по-казахски на перроне, размахивая руками и горячась.

Потом, помогая мне залезть в вагон (долбанные наручники!), таращил мне в лицо глаза и кричал дрожащим басом:

– Обязательно потом иди!.. Хорошо?.. Слышишь меня?.. Обязательно!.. Потом...

На расстоянии руки

Соседа сбоку я знал ещё школьником. Стоя на балконе, услышал как-то необычные звуки с его стороны. Словно ребёнок балуется, в кларнет дует. Выглядываю, а сосед рукой машет: «Пойдём, чё покажу!...», лицо радостью светится. Прихожу, а у него на балконе лебедь. Здоровенный, голова зелёной вымазана... А дело было вот в чём.

...Прекрасная птица лебедь. Сильная, большая, белая. Красивая птица.

Я видел, как человек подошёл к морю...

Лебеди прилетают сюда – на побережье Каспия, на несколько недель зимы. Уставшие от долгого перелёта, они собирают семьи, пересчитывают детей, вздыхают над ранеными, смотрят в глаза своим старикам. Тем, кто выдержал перелёт.

Для людей прилёт лебедей тут всегда большое событие. По городу новость пролетает мгновенно и уже даже на степных окраинах города, где почти не слышно шуршания моря, нет ни одного, кто бы не остался равнодушным к доброй вести: «Лебеди прилетели!».

Город спешит совершить неписанный ритуал. Влюблённые парочки, любящие мамочки с колясками, семейные пары, просто зеваки, старик с внуком, таксист, проезжавший мимо, женщина с авоськой картошки в руке с ближайшей от берега остановки... Кого тут только нет? Все торопятся подойти ближе. Несут хлеб. Белый, серый, чёрный, сдобный, какой-то чудак бублики тащит... Хлеб, купленный только что в ларьке на остановке, остатки хлеба с обеда, порванные на кусочки, чтобы было удобнее бросать в воду, батон в целлофановом пакете, разрезанный аккуратными кубиками молчуном в очках...

Лебедь большая птица. Мощный клюв, когтистые лапы, сильные плечи. Поднимая расправленные крылья, он коротко и громко трубит, размахивая головой. Похоже на белый взрыв. Ни каждый посмеет подойти к нему. Собака боится, лает издали. Потом ложится, наблюдает потрясённо и с интересом.

Нужно терпение, чтобы лебеди подплыли к берегу. Кусочки бросают с каменных льдин совсем рядом с птицей и чуть-чуть «не добрасывают». Если не делать резких движений, и отходить немножко медленнее, чем приближается лебедь, то через некоторое время он может выйти на берег. Трясёт смешно по-утиному маленьким хвостом, разминает мощные лапы после ледяной воды, осторожно ступая по острым крошкам льда. Оставив несколько кусочков на песке, спиной отхожу медленно на три шага. Он изучает, контролирует. Он видит меня, видит людей справа и слева, видит людей сзади меня, слышит шаги бегущего от него по песку ребёнка. Голоса. Мерный шумок стаи. Хлеб.

Он обязательно подойдёт. Подхожу на два шага, медленно сажусь на камень, протягиваю хлебный мякиш на ладони. Он подойдёт. Он видит мою просьбу. Рука быстро замерзает без перчатки, камень холодный, лёгкие порывы ветра выдувают из-под очков слезу, она щекощет лицо, но я неподвижен. Лебедь смотрит на хлеб. Хлеб ближе, чем я. Хлеб на расстоянии руки... Он подойдёт. Он не будет подходить «стороной» по-собачьи, потоптавшись на месте на лапах, ни созданных для земли, лебедь делает несколько шагов прямо ко мне, ровно настолько, чтобы дотянуться, вытягивает удивительно длинную шею, всё ещё безумно боясь меня, открывает клюв. Сладость мгновения...

...Именно в этот момент человек сильно и точно бьёт птицу в основание головы хлебом, предварительно вымоченном в воде и замороженным в холодильнике до состояния льда...

Оглушённая птица ещё долго может жить. Главное – не сломать кости. Она не замёрзнет. Нужно быстро завернуть её, лучше сунуть за пазуху, прижав к себе, пока бежишь через дорогу... Главное – не сломать кости. В спешке борьбы полуживой лебедь бьёт крыльями, пытаясь взлететь. Хрупкие кости созданы для неба, а не для сопротивления. Лечить птицу хлопотно, да и зачем?

Они прилетают каждую зиму...

...На балконе прохладно. Пар изо рта.

Смотрю на соседа, спрашиваю:

– Зачем он вам, дядь Андрей?

В глазах мужика восторг, улыбается смущаясь, как мальчишка, не сводит глаз с огромной птицы:

– Дык ведь... Лебедь!.. Красиво...

Сукин сын

...Вечером все собрались у Николая дома. Жена Людмила накрывала на стол, испуганно бегала на кухню и обратно, пересчитывала тарелки. Николай хмуро смотрел телевизор, чувствуя, что не зря всё это затевается.

Первым пришёл брат Людмилы пьяный Серёга:

– Ну, здравствуй... Коля., – излишне крепко сжимая руку, Сергей значительно заглядывает в глаза, с высоты своего роста с интересом рассматривает Николая.

Тот сухо поздоровался, подождал, пока отпустят руку и опять уставился в телевизор.

Серёга долго и не мигая смотрит на мужа сестры, качает головой и уходит к сестре на кухню:

– Давно он... Такой?

Людмила нервно протирает тарелки, поджимает губы, наливая брату в рюмочку:

– Второй месяц уж... Как просушил шары, так и не пьёт...

Брат большим барабаном медленно набирает горечь в лёгкие, качает головой:

– М-да... «Два месяца», говоришь...

Выпив, Сергей опять вздыхает, а Людмила отворачивается к холодильнику, прячет лицо в передник, и тихо плачет. Брат неловко встаёт, кладёт огромную пятерню на вздрагивающее плечо сестры:

– Ладно тебе... Люсь... Разберёмся.

...Через полчаса за столом сидят уже тесть, дядька Миша с женой, Серёга и обе сестры: Шурочка и Лида. Первую выпили автоматически, закусили. Вторую подняли за родителей. И даже тут Николай ни в какую! Не пьёт и всё! К стакану даже не прикоснулся. И когда все выпили, Людмила опять зашлась, не выдержала, на кухню убежала.

– Да-а... Уж..., – тесть кряхтит и подбирает слова, чувствуя, что разговор будет не простым.

– И давно ты?.. Николай?, – дядька Миша опять разливает, миролюбиво улыбаясь, – Приболел, что ль? Иль чего? А?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.